

ГРАНИЦА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»

© 2010 М.В.Прасковьяна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 06.10.2009

С точки зрения дифференцирующей функции границы анализируются главные герои повести Гоголя «Невский проспект». Предпринята попытка объяснить сходства и различия персонажей на основе проведения между ними границы.

Ключевые слова: повести Гоголя, «Невский проспект», граница, граница между персонажами.

° Всякая процедура различения, согласно теории функций границы, совершается относительно определенных свойств предмета, в результате чего им придается особое значение: «Ситуация различения и дифференциации смыслов, когда данный объект отделяется от других и противопоставляется им, порождает семиотическое пространство, в котором данное явление получает свою форму и приобретает смысловую идентичность в системе языка. Граница сообщает конкретность, определенность системе отношений, структурирует»¹. Различение одновременно различает и соединяет; это граница, но она общая.

С точки зрения дифференцирующей функции границы попытаемся рассмотреть образы главных героев повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» – художника Пискарева и майора Пирогова. Можно сказать, что вся повесть построена на противопоставлении их характеров и судеб. С самого первого фрагмента, когда автор вводит героев в ткань повествования, они даны различно: Пирогов сразу назван по фамилии, а Пискарев – без фамилии, по описанию одежды: «– Стой! – закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и плаще»². Далее фамилия Пискарева впервые упоминается только спустя две страницы, а Пирогов еще несколько раз назван в продолжение этого текста.

Смысловой центр описания Н.В. Гоголем характера Пискарева – то, что он не принадлежит миру Петербурга. Автор всячески подчеркивает

«чуждость» художника миру города, в котором он живет: «Этот молодой человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно странное явление и столь же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сновидении, принадлежит к существенному миру» (13). И далее: «Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы, верно, развился также вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух» (14).

Пирогов же, напротив, прочно «вписан» в то общество, которому он принадлежит, и является неотъемлемой частью его. Он необходим в светской беседе: «В этом надобно отдать справедливость означенным господам. Они имеют особенный дар заставлять смеяться и слушать этих бесцветных красавиц» (29). Свой он в театре: «В театре они бессменно.. Это самые выгодные люди для театральной дирекции» (30). Художников, подобных Пискареву, повергают в трепет эполеты («...звезда и толстый эполет приводят их в такое замешательство, что они невольно понижают цену своих произведений» (14), которые Пирогов с гордостью считает неотъемлемой своей частью.

Мотив принадлежности или не принадлежности обществу будет прослеживаться и потом в другом виде: пытаюсь поговорить с прекрасной незнакомкой во сне, Пискарев встречает препятствие в виде толпы: «Он отправился вслед за нею, но толпа разделила их» (22). То есть общество встает на его пути, отталкивает от себя, как не принадлежащего к большинству (не соответствующего общепринятым стандартам ни внешне, ни внутренне). Пирогов же, напротив, не встречает преграды даже в лице мужа блондинки, который хотел бы выгнать поручика, но вместо этого терпит его присутствие и делает для него шпоры.

Пискарев не может допустить даже мысли о порочности «неземной» красавицы. Пирогов же

⁰ *Прасковьяна Маргарита Витальевна, аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: mpras@mail.ru*

¹ *Рымарь Н.Т.* О функциях границы в художественном языке // Граница как механизм смыслопорождения. – Самара: 2004. – С. 30.

² *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. – Т.3. – М.: 1977. – С.12. Далее страницы указываются в круглых скобках в тексте по этому изданию.

считает это бесспорным фактом. Рыцарская сущность Пискарева не позволяет ему питать надежды на взаимность девушки: «Он не смел и думать о том, чтобы получить какое-нибудь право на внимание улетавшей вдаль красавицы, тем более допустить такую черную мысль, о которой намекал ему поручик Пирогов» (13). А поручик считает блондинку своей добычей: «Ты, голубушка, моя!» – говорил с самоуверенностью Пирогов, продолжая свое преследование» (29). И постоянно заговаривает с ней: «Пирогов не переставал преследовать незнакомку, от времени до времени занимая ее вопросами, на которые она отвечала резко, отрывисто и какими-то неясными звуками» (31).

Гоголь неоднократно подчеркивает непорочность Пискарева: «Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту чист и непорочен, как девственный юноша еще дышащий неопределенную духовною потребностью любви. <...> Это доверие, которое оказало ему слабое прекрасное существо, это доверие наложило на него обет строгости рыцарской, обет рабски исполнять все повеления ее» (16).

Романтизм героя, подчеркнутый определением «рыцарский», будет потом переведен в сферу комического и пародийного в истории Пирогова, когда поручик встретится с обитателями жилища блондинки: «Перед ним сидел Шиллер, – не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю тридцатилетней войны», но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, – не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с офицерской улицы, большой приятель Шиллера» (31).

Мещанская улица, жестяных дел мастер и сапожник – в сферу этих понятий опускаются персонажи, наделенные именами писателей-романтиков. Словно во сне или в бреду поручик Пирогов попадает в невероятную ситуацию (подобно майору Ковалеву из повести «Нос»): он видит, что «возле Шиллера стоял Гофман», и они уже не великие писатели, а вдруг «оказываются» ремесленниками. Гоголь будто хочет показать читателю, что мир сошел с ума: «небесное создание» внезапно оказывается публичной женщиной, герой-романтик терпит неудачу и гибнет, герой-прагматик идет по жизни с высоко поднятой головой, а Гофман пьет вместе с Шиллером и шьет сапоги.

«Превращение» незнакомки в блудницу происходит неожиданно, разрушая все надежды и романтические мечтания Пискарева. В.Ш. Кривонос, говоря о «Невском проспекте», отмечает: «Пластичность петербургского пространства принимает формы демонического

оборотничества»³. Именно особенностями самого пространства объясняются заблуждения художника: «Происходящие здесь невероятные события и необъяснимые превращения связаны с его заколдованностью, проявляющейся в виде «мечты», «обмана» и «лжи» и определяющей заколдованное состояние персонажей»⁴. И далее: «Женская топика в «Петербургских повестях» связана с гоголевским мифом Петербурга. Выражением женской сущности горда-блудницы, репрезентирующей ложь и обман, служит Невский проспект, «красавица нашей столицы», которой, как и всякой красавице нельзя верить»⁵. Пискарева обманывает самое демоническое, заколдованное пространство Петербурга, Невского проспекта – главной движущей силы сюжета.

Пискарев не может воспринимать произошедшее с ним как факт реальности и пытается изменить эту реальность посредством опиумных сновидений, делая ее таким образом соответствующей своему мироощущению. Он считает, что реальность искажена, и за счет галлюцинаций и сновидений искажает ее на самом деле, приспособливая ее к своей системе ценностей. Пискарев в своем воображении «подтягивает» объект обожания до своего уровня нравственности, ставит падшую красавицу на путь искупления грехов и тяжкого, но честного труда. Пирогов же, напротив, пытается обольстить блондинку – спровоцировать ее на нравственное падение. Они оба терпят неудачу в своем предприятии – в этом заключается их сходство.

Ю.В.Манн замечает: «Благородный гибнет, пошлый живет и благоденствует; но в то же время судьба сыграла свою шутку над обоими; оба оказались обманутыми в отношении поставленной ими перед собой цели»⁶. Сходство Пирогова и Пискарева отмечает и В.М.Маркович: «И выходит, что пошляк Пирогов тоже на свой лад одержим и ослеплен мечтой, что он тоже по-своему сталкивается с грубостью жизни и тоже оскорблен в своих лучших чувствах. Обоим героям жизнь наносит удары, и реакция каждого из них может показаться несоразмерной случившемуся (внезапное и необъяснимо полное успокоение высеченного поручика по-своему равно, с этой точки зрения, ужасному самоубийству художника)»⁷.

Возвращаясь к дифференцирующей функции границы, стоит сказать, что в «Невском про-

³ Кривонос В.Ш. Повести Гоголя. Пространство смысла. – Самара: 2006. – С. 145.

⁴ Там же. – С. 148.

⁵ Там же. – С. 204.

⁶ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. – М.: 1978. – С. 382.

спекте» отчетливо видно, как граница между героями повести одновременно и разделяет и соединяет их. Подчеркивая различия героев, Гоголь тем не менее «помещает» их в однотипный сюжет: преследование объекта любви («чистой» любви или порочной страсти), разочарование, попытка изменения сущности девушки, неудача. Только сюжет Пискарева дан трагично, а Пирогова – комично. Их истории противопоставлены друг другу: то, что для художника трагическая судьба, для поручика – неприятный эпизод.

Персонажи истории Пискарева относятся к романтическим типажам: бедный художник, прекрасная блудница, персиянин, торгующий опиумом. Герои истории Пирогова комичны: щеголеватый поручик-ловелас, пышная блондинка-немка, муж-рогоносец (не фактически, но потенциально) и пьяница-сапожник. Подобным образом различается и финал их историй: трагическая гибель художника, сердце которого не выдерживает циничности мира, и комическая порка неудачливого любовника, всю горечь которой он забывает после съеденных слоеных пирожков.

Сходны персонажи и в том, что представлены в повести не сами по себе, а как представители определенной общественной группы. Пискарев «принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно странное явление» (13). И далее: «Это исключительное сословие», «эти художники», «они с истинным наслаждением трудятся над своею работою», «они часто питают в себе истинный талант», «они вообще очень робки», «они любят иногда пощеголять» (13 – 14).

Приступая к истории Пирогова Гоголь пишет: «Есть офицеры, составляющие в Петербурге какой-то средний класс общества» (29). И продолжает: «Они имеют особенный дар»; «Они любят потолковать об литературе»; «они не пропускают ни одной публичной лекции»; «они особенно любят в пьесе хорошие стихи» (29 – 30). То есть персонажи как бы лишены индивидуальности, являются не самостоятельными личностями, а представителями определенной группы. И их судьбы, следовательно, не являются по замыслу автора исключительными.

Дифференцирующая функция границы при анализе образов Пирогова и Пискарева реализуется на нескольких уровнях. Граница задействована на уровне сюжета, на уровне ранжирования персонажей, на эмоциональном уровне восприятия. Поэтому понимание функции границы необходимо для осмысления характеров персонажей и текста повести «Невский проспект» в целом.

Дифференцирующая функция границы при анализе образов Пирогова и Пискарева реализуется на нескольких уровнях. Граница задействована на уровне сюжета, на уровне ранжирования персонажей, на эмоциональном уровне восприятия. Поэтому понимание функции границы необходимо для осмысления характеров персонажей и текста повести «Невский проспект» в целом.

⁷ Маркович В.М. Петербургские повести Н.В.Гоголя. – Л.: 1989. – С. 73.

THE BORDER IN THE N.V.GOGOL'S NOVEL «NEVSKIY PROSPECT»

© 2010 M.V.Praskovyina^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The main characters of the novel «Nevskiy prospect» are analyzed from the point of view of the border differential function. The article is an attempt to explain the similarities and differences between the characters in terms of the border between them.

Key words: Gogol's novels, «nevskiy prospect», border, border between the characters.

^o Praskovyina Margarita Vitalyevna, Post-graduate student of the Russian, foreign literature and its methodology of teaching department. E-mail: mpras@mail.ru